

Чжочжо замерла в изумлении.

— О чём ты говоришь?

Чжоу Чун не был наивным восемнадцатилетним юношей, он не приехал бы сюда, не подготовившись.

Без преувеличения, на каждого из присутствующих гостей у него был компромат.

— Твой лысый покровитель, торгующий рыболовными снастями, — твой названный отец.

Лицо Чжочжо стало мертвенно-бледным. Как он узнал?!

Фан Жун слегка изменился в лице. Наличие покровителей в индустрии развлечений — дело обычное, но вот так, в прямом эфире, выставлять это на всеобщее обозрение — значит совершенно не иметь стыда. Он попытался принять вид старшего наставника:

— Ну будет тебе, Чжоу Чун, не будь слишком суров. Чжочжо не желала зла.

— Если ты уже в таком возрасте, что считаешь это нормальным, то, может, и я буду так с тобой разговаривать? Тебе понравится?

Фан Жун, пристыженный такой дерзостью, помрачнел. Шёл прямой эфир, он не хотел терять лицо.

— Малыш Чжо!

— Малыш Чжо? Ты думаешь, имеешь право так меня называть?

Даже владельцы медиакомпаний, на которые работал Фан Жун, не рискнули бы так обращаться к Чжоу Чуну.

Чжочжо сделала шаг вперёд:

— Молодой господин Чжоу, если у вас претензии ко мне, не впутывайте в это других.

— Претензии к тебе? А ты вообще стоишь того? — Чжоу Чун обернулся и холодно усмехнулся.

— Истинно говорят: человечество изучило возможности глупости менее чем на пять процентов. Сегодня я в этом убедился.

Режиссёр остолбенел. Они планировали использовать взрывной характер молодого господина для поднятия рейтингов, но никак не ожидали, что ситуация выйдет из-под контроля.

Чат трансляции взорвался:

— Какие подробности!

— Я нашёл информацию! Ему сорок семь, а Чжочжо всего двадцать! Какая мерзость!

— Фан Жун тоже хорош: такая лицемерка, а он её защищает. Наверное, решил, что раз Шань Циншань — простой парень, то можно не церемониться?

— Я восхищена языком Чжоу Чуна! Если человечество изучило глупость на пять процентов, то ядовитость Чжоу Чуна — тоже не более пяти!

— Мерзость мерзостью, но неужели никто не видит, как гармонично смотрятся Чжоу Чун и Шань Циншань?! С самого вчерашнего дня я просто не могу оторваться! Он называет его малыш Циншань! И запрещает другим так обращаться! Малыш Циншань такой молчаливый, но даже он вступился за него, объяснив всем, сколько работы проделал Чжоу Чун!

— Фраза: Разве тебе не достаточно меня одного? — просто повергла меня в шок!

— Идите в их личную трансляцию, там всё поймёте!

— К тому же Чжоу Чун гей, разве не идеально?

(Интересно, удалось ли Чжоу Чуну сегодня склонить Шань Циншаня к однополрой любви?) — О, я уже сменила ник в соцсетях.

...

Киото, семья Чжоу.

Юй Синья смотрела на сына в телевизоре и чувствовала, что он стал ей чужим. Неужели это её сын? Если выразиться мягко, он всегда был циничным, пренебрегающим правилами и высокомерным. Если грубо... что ж, о родном сыне не хочется говорить плохо. Но нынешний? Трудолюбивый и послушный. Тот красивый мальчик в кадре делает ему замечание, что он плохо помыл овощи. В их доме кто бы посмел? Не то что критиковать — никто не смел заставить его даже руки намочить. Раньше, если кто-то посмел бы так с ним обойтись, он бы устроил грандиозный скандал: если ему плохо, то и всем вокруг должно быть несладко. Но сегодня, к великому удивлению, он лишь покорно отозвался: — Я перемою... Так пойдёт?

Где же в нём хоть капля спеси молодого господина? Она ещё раз присмотрелась, не подменили ли его?

— Глава семьи Чжоу! Иди скорее посмотри, это точно твой сын?

Чжоу Хункай вошёл в комнату, за ним следом семенил четырёхлетний мальчик.

— Ты что, совсем от старости выжила из ума? Своего сына не узнаешь?

Чжоу Шо поднял руку и пропищал:

— Я здесь!

Юй Синья сунула ему телефон:

— Сам посмотри.

И Чжоу Хункай увидел, как его сын носит воду, колет дрова, разжигает огонь и тайком пробирается в курятник за яйцами, перепачкав обувь в курином помёте. Сын громко крикнул в сторону дома:

— Малыш Циншань, яйца и правда пахнут помётом!

Из дома вышел очень красивый парень и ответил:

— Ты тоже испачкался.

Его сын, не обращая внимания на грязь на ботинках, с улыбкой подошёл к парню, вытер яйца салфеткой из кармана и вложил их ему в ладони:

— Они ещё тёплые, потрогай.

...

Чат летел со скоростью света:

— Я умираю от умиления!

— Это не реалити-шоу о жизни, это шоу о супружеской жизни!

— Трогает яйца, хи-хи, трогает яйца... пусть потрогает и в других местах!

...

Чжоу Хункай: Это мой сын?

— Молодой господин Чжоу.

Заглянул режиссёр. Цянь Вэй мыла посуду. Чжоу Чун помогал ей, нарезая тыкву и капусту — корм для свиней.

— Вам звонят.

Чжоу Чун взял трубку, отключил микрофон трансляции и отошёл в сторону. Раздался голос отца:

— Ты что, положил глаз на Шань Циншаня?

— Глава семьи Чжоу нашёл время посмотреть моё шоу?

— Твоя мать увидела!

— Не буду скрывать, он мне нравится, я собираюсь на нём жениться. Если не поддерживаешь, придумай, как смириться с этим сам. Мне нужно работать, до связи.

— Постой! Не вздумай лезть к нему! Парень явно хороший, он даже привил тебе трудолюбие, ты...

Чжоу Чун сбросил вызов и убрал телефон.

— Малыш Циншань! Я взял телефон, давай сделаем фото на память?

Цянь Вэй: — Отличная идея! Шань Циншань, давайте сфотографируемся вместе. Завтра я принесу свой фотоаппарат моментальной печати.

Цянь Вэй и Шань Циншань встали рядом. Чжоу Чун навёл объектив на них обоих, но в кадре оказался только бесстрастный Шань Циншань.

Бабушка, находясь в доме, слышала всё, что происходит снаружи. Когда Шань Циншань принёс воду, чтобы она помыла ноги, она наставительно произнесла:

— Перестань ходить с каменным лицом. Тот парень так тепло к тебе относится, улыбнись ему хоть раз, а то он решит, что ты его недолюбливаешь.

— Бабушка, отдыхай, не бери в голову.

— Кого мне ещё беспокоить, как не тебя? Ты всегда только работаешь, друзей нет, а сейчас, когда наконец появился, ты так холоден к нему — возьмёт и уйдёт.

— Он в любом случае уйдёт, нет нужды завязывать отношения.

Бабушка хотела что-то сказать, но лишь тяжело вздохнула. И правда, между ними была пропасть, которую видел любой зрячий.

Шань Циншань вышел из дома выплеснуть воду и увидел Чжочжо, которая бродила неподалёку. Трансляция уже закончилась.

— Шань Циншань, позови Чжоу Чуна.

Тон был командным. Шань Циншань проигнорировал её и вошёл в дом.

— Эй!

Услышав оклик, Чжоу Чун вышел, но, увидев Чжочжо, нахмурился. Чжочжо тут же приняла жалкий вид:

— Молодой господин Чжоу.

Шань Циншань вернулся в дом. Чжоу Чун отошёл подальше, убедившись, что в доме их не слышат, и спросил:

— Что-то нужно?

— Откуда ты узнал то, что сказал сегодня днём?

Чжоу Чун днём нажал на самое больное место. Фраза: «Твой покровитель с этой минуты больше не твой покровитель» — заставила её похолодеть от ужаса. Она долго размышляла и не могла понять: она ведь всего лишь немного пожаловалась, почему всё так обернулось? Шань Циншань — всего лишь деревенский парень. Ну и что, что красив? Ни власти, ни денег, ни влиятельной семьи. Если бы съёмочная группа случайно не оказалась здесь, кто бы вообще знал, жив он или мёртв? Стоило ли Чжоу Чуну так стараться?

Чжоу Чун ответил коротко:

— Не скажу.

— Молодой господин Чжоу! Я прошу вас.

— Если ты просишь, я обязан отвечать?

Чжочжо с глухим стуком опустилась перед ним на колени:

— Так пойдёт?

— Ты просишь меня или угрожаешь?

Голос звучал так холодно, что казалось, говорит не восемнадцатилетний юноша.

— Убирайся.

Юноша стоял у стены, окружённый пугающей аурой. Чжочжо впервые в жизни почувствовала животный страх перед парнем намного младше себя. Никакого возрастного преимущества не было и в помине. Она поднялась и убежала.

Вернувшись, Чжочжо умоляла режиссёров вернуть ей телефон, чтобы позвонить покровителю. Но как только вызов проходил, его тут же сбрасывали. А через пару попыток её внесли в чёрный список.

Чжочжо словно оказалась в аду. Кто же такой этот Чжоу Чун?

Она заглянула в интернет. Пользователи сети разнесли её в пух и прах: выложили, как она работала в барах, как издевалась над одноклассниками в школе... даже то, что она когда-то мучила кота, нашли! Теперь в комментариях её называли «сестра Хайтан» в насмешку над поговоркой о молоденькой девушке, спящей со стариком.

Всю ночь Чжочжо не сомкнула глаз. Это шоу могло стать последним в её карьере. Она должна использовать его, чтобы прославиться любой ценой!

На следующий день съёмочная группа выдала задание: собрать редис. Собранный редис завтра отвезут на рынок.

Грядки находились на склоне горы, всего их было пять, разных размеров и в разных местах. Кто успел, тот и занял.

Чжочжо даже не стала завтракать — денег на еду всё равно не было. Сегодня она должна создать образ трудолюбивой, стойкой и несломленной девушки, чтобы восстановить свою репутацию.

Схватив корзину, выданную группой, она помчалась к грядкам и издалека увидела Чжоу Чуна и Шань Циншаня.

— Малыш Циншань, подожди меня здесь, я схожу, посмотрю остальные участки.

— Хорошо.

Чжоу Чун побежал вверх по склону.

Грядка перед Шань Циншанем была небольшой, зато находилась близко — не нужно было лезть в гору. Чжочжо положила глаз на этот участок и подошла к нему.

— Братик, ты не мог бы уступить мне эту грядку?

Шань Циншань посмотрел на неё, но не успел ничего ответить. Чжочжо одной рукой прикрыла его микрофон, а другой — свой, чтобы в эфире ничего не услышали.

— Сорняк, выросший в грязи, веди себя тише. Чжоу Чун рано или поздно уедет. Он может защищать тебя сегодня, но не всю жизнь. Ты же не хочешь, чтобы вы с бабушкой жили ещё хуже?

<http://bllate.org/book/21913/2276489>